

Луве де Кувре Жан Батист

Любовные похождения кавалера Фоблаза

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д25

Д25 **де Кувре Жан Батист Л.**
Любовные похождения кавалера Фоблаза / Луве де Кувре Жан Батист – М.: Книга по Требованию, 2024. – 586 с.

ISBN 978-5-519-93974-4

"Жизнь кавалера Фоблаза", "Любовные приключения кавалера Фоблаза", "Приключения шевалье де Фобласа"

ISBN 978-5-519-93974-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Кавалеръ Фоблазъ, тронутый безнравственностью своей эпохи, много сумасбродный, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжный и вполне искренно-влюбленный, принадлежитъ къ числу героевъ французской литературы, подвергавшихся самымъ несправедливымъ клеветамъ.

Общественное мнѣніе, которому свѣтила критики съ Жюлемъ Жаненомъ во главѣ придали извѣстное направленіе, видѣло въ героѣ Луве только воплощеніе пороковъ и развращающей слабости XVIII вѣка.

Но, можетъ быть, читатели спросятъ, что же въ такомъ случаѣ Фоблазъ?

Фоблазъ просто-на-просто беззаботный юноша, одѣтый въ костюмъ XVIII вѣка, стремящійся впередъ съ улыбающимися губами, жаждущими поцѣлуевъ; это полуребенокъ, конечно, легкомысленный и измѣнчивый, но настолько любящій, что самый слабый голосъ его сердца тушитъ въ немъ пламенныя чувственныя прихоти. Тотъ, кто въ этомъ юномъ существѣ, неспособномъ разсчитывать и обдумывать, всецѣло отдающемся любовницамъ, которыя не могутъ отъ него оторваться, въ этомъ ласковомъ ребенкѣ, превращающемся во взрослаго мужчину путемъ раскаянія, увидитъ только сборище растлѣвающихъ пороковъ XVIII вѣка, отгнать слишкомъ мрачными красками его граціозный обликъ.

Какъ бы то ни было, очаровательное, тонкое и занимательное произведеніе Луве, на которое смотрѣли, только какъ на предлогъ для изображенія множества эротическихъ картинъ и безнравственныхъ сценъ, сначала предавалось анафемѣ, а потомъ было совершенно забыто въ XIX вѣкѣ; вдобавокъ ко всему, оно стояло между торжествующимъ натурализмомъ и романтизмомъ. Между тѣмъ, «Любовныя похождения кавалера Фоблаза» — наиболѣе любопытный образчикъ легкой литературы конца XVIII вѣка. За обликомъ легкомысленнаго и чувствительнаго юноши развитой критическій взглядъ современнаго читателя сумѣетъ разсмотрѣть очень ясную склонность автора выводить заключенія гораздо болѣе нравственныя, чѣмъ предполагалось до сихъ поръ.

Никто изъ писателей больше, чѣмъ Луве, не описывалъ въ своихъ сочиненіяхъ самого себя и никогда никто больше, чѣмъ онъ, не поднимался надъ идеями своего времени; это видно и при изученіи его произведеній, хотя бы самыхъ смѣлыхъ, и при разсмотрѣніи его политической карьеры.

Человѣкъ, постоянно читавшій Вольтера и Руссо, преклонявшійся передъ г-жей Роланъ, любовникъ, обожавшій свою почти героическую

подругу, которую онъ въ своихъ мемурахъ называетъ Лодоиской, т. е. именемъ единственной безупречной героини «Любовныхъ походовъ кавалера Фоблаза», словомъ, Луве, бывшій вполне сыномъ XVIII вѣка, не принадлежалъ ни къ числу скептиковъ, ни къ числу пресыщенныхъ или закоренѣлыхъ развратниковъ.

Онъ отъ природы былъ мягкосердеченъ, вѣренъ, мужественъ, чувствителенъ и постояненъ; въ XVII вѣкѣ его качества создали бы изъ него типъ вполне честнаго человѣка; во всѣ другія эпохи, когда истинная добродѣтель не подвергалась систематическому гоненію, онъ могъ бы вполне заслуженно приобрести прекрасную репутацію.

Все дурное навѣяно на него его временемъ, а не его натурой, стоявшей выше своей эпохи. Луве романистъ, Луве революціонеръ, Луве рассказчикъ любовныхъ приключеній или гонимый жирондистъ, всегда чистосердеченъ; онъ питаетъ великодушныя иллюзіи, остается вѣренъ культу героизма, порождаемаго любовью къ человѣчеству, и, не сомнѣваясь, утверждаетъ, что истинная дружба и истинная разцѣленная страсть готовы приносить неутомимыя жертвы. Луве, членъ Конвента, вотируя смерть Людовика XVI и прося отсрочки, чистосердечно надѣется, что урокъ, данный королевской власти, не будетъ стоить королю жизни; Луве выступаетъ противъ всемогущаго и злопамятнаго Робеспьера, не какъ подкупной оскорбитель, а какъ возмущенный патріотъ. И въ обоихъ случаяхъ онъ остается самимъ собою: человѣкомъ гуманнымъ въ своихъ принципахъ, энергическимъ въ своихъ дѣйствіяхъ, увлекающимъ въ своихъ порывахъ!

Онъ поступаетъ подъ вліяніемъ вполне искреннихъ движеній сердца, освящая чувствомъ счастья свою незаконную связь съ Лодоиской и тѣмъ подтверждая честность своихъ намѣреній, постоянство своихъ чувствъ и уваженіе къ закону.

Въ политикѣ, въ любви, также какъ и въ литературѣ, Луве является не только членомъ общества, но и вполне непосредственнымъ существомъ; и эта непосредственность господствуетъ въ немъ надъ цивилизованной стороной его природы, руководить ею и удерживаетъ романиста на той наклонной плоскости, которую направление XVIII вѣка дѣлало такой скользкой и опасной даже для людей съ самыми лучшими намѣреніями. Для того, чтобы мы могли вѣрнѣе оцѣнить жизнь и произведеніе Луве, нужно принять во вниманіе обстоятельства или, точнѣе, ту эпоху, въ которую онъ жилъ и писалъ; дитя XVIII вѣка, Луве легко поддавался чувственнымъ порывамъ, выказывалъ легкомысліе, впадалъ въ бѣшеный гнѣвъ, доходилъ до прискорбныхъ крайностей, характерныхъ для промежутка времени между 1760 и 1797 годами (т. е. между годомъ его рожденія и годомъ его смерти). Но въ немъ жило также плодотворное восхищеніе идеаломъ, рождались новыя и великодушныя идеи; онъ проявлялъ восхитительную деликатность ума и сердца, что вмѣстѣ съ истинной любовью, придавшей прелесть и благородство его слишкомъ короткому существованію, наполненному романическими приключеніями, оградило его отъ нравственной порчи, которую онъ умѣлъ такъ хорошо рисовать и, въ случаѣ нужды, клеймить.

Вслѣдствіе несчастій, постигшихъ, несомнѣнно, дворянскую семью Луве де-Куврэ, онъ провелъ дѣтство въ бумажной лавкѣ, которую его родители держали на углу улицы Писателей, дѣтство грустное, благодаря тому, что его отецъ гораздо меньше любилъ его, чѣмъ своего старшаго сына.

Возмужавъ, молодой человѣкъ очутился въ обществѣ стараго строя, какъ разъ въ то время, когда оно, болѣе блестящее, болѣе легкомысленное, чѣмъ прежде, особенно сильно увлекалось удовольствіями чувственными и умственными, наслаждаясь послѣдними днями своей жизни.

Это были странные дни общественнаго упадка во Франціи, дни, полные нездоровой и опьянительной прелести послѣднихъ чрезмѣрно пламенныхъ вспышекъ жизни, дни лихорадочнаго возбужденія передъ судорогой, которой было суждено разбить аристократію, улыбающуюся насмѣшливой улыбкой Вольтера, сладострастной улыбкой Дюбарри, проникательной и остроумно-дерзкой усмѣшкой Ривароля! Подъ этой улыбкой въ обществѣ чувствовалось разочарованіе, навѣянное порокомъ, слегка прикрытымъ напыщеннымъ стремленіемъ къ идеальной страсти, придуманной Руссо.

Въ это время вліяніе философскаго періода (въ его зловредномъ значеніи) было закончено; дѣло же революціоннаго періода, съ его общеизвѣстными плодами, только-что зарождалось.

Французское общество занималось остроумной салонной болтовней, легкомысленными шутками, сентиментальной перепиской, но его развлеченіямъ было суждено вскорѣ прерваться криками толпы, волновавшейся кругомъ эшафотовъ, смѣниться ссылками и тюремными заключеніями. Многочисленнымъ связямъ, порожденнымъ капризомъ и прихотью, предстояло уступить мѣсто благороднымъ привязанностямъ, вызваннымъ несчастіемъ и горемъ! Цѣлый нарядный, блестящій міръ, жившій посреди шутокъ, болтовни, философскихъ разсужденій и облаковъ дорогой пудры, вертѣлся на высокихъ красныхъ каблукахъ на краю ужасной пропасти...

Вотъ въ какой средѣ расцвѣла молодость Луве, вотъ гдѣ проснулось его любопытство, его страстные побужденія, его мечты о литературныхъ успѣхахъ.

Въ 1787 году, когда онъ напечаталъ первую часть своего «Фоблаза», законченнаго лишь въ 1789 году, ему было менѣе двадцати восьми лѣтъ.

На семнадцатомъ году Луве поступилъ секретаремъ къ г-ну Дитриху, извѣстному минералогу. Знаменитый романъ не былъ первымъ произведеніемъ сына бумаготорговца. Громкое торжество выдвинуло на свѣтъ имя Луве, когда онъ, редактировавшій мемуары Дитриха (напечатанные въ академическомъ сборникѣ), принялъ на себя защиту интересовъ одной кандидатки на премію Монтіона.

Эту премію, только-что учрежденную, должны были присудить въ первый разъ, и къ юному секретарю Дитриха обратились съ предложеніемъ защитить кандидатуру одной бѣдной служанки, которая добровольно поддерживала своихъ господъ, впавшихъ въ ужасающую нищету.

Въ то время было обыкновеніемъ разбирать права конкурентовъ на премію въ публичныхъ листкахъ. И вотъ Луве своимъ ловкимъ перомъ, которое впоследствии такъ ярко описывало будуарныя приключенія, рассказалъ въ прочувствованныхъ строкахъ исторію простого, честнаго и преданнаго сердца. Его кліентку избрали и привѣтствовали громкими криками. Своимъ успѣхомъ она была вполне обязана краснорѣчію, съ которымъ Луве обрисовалъ ея заслуги. Случайность, иногда создающая странныя противопоставленія, пожелала, чтобы имя автора «Любовныхъ похожденій Фоблаза» было связано съ воспоминаніемъ о первой наградѣ, выданной за добродѣтель!

Слѣдуетъ ли думать, что въ то время самъ Луве имѣлъ право на премію, которую онъ такъ милосердно заставилъ дать другой?

Если бы въ насъ зародилась подобная наивная иллюзія, его тѣнь усмѣхнулась бы тонкой усмѣшкой, появляясь въ сумракѣ прошлаго.

Напротивъ, все заставляетъ предполагать, что въ это время пылкій молодой человѣкъ, разлученный съ предметомъ своей первой и послѣдней любви и знавшій, что его Лодоиска вышла замужъ, старался заглушить печаль, размѣнивая на мелкую монету сокровище любви, которое онъ, несмотря ни на что, хранилъ въ сердцѣ.

Кавалеръ Фоблазъ не служилъ, какъ долго предполагалось, портретомъ аббата Шуази, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ одѣвался въ женское платье и, кромѣ своихъ историческихъ трудовъ, оставилъ послѣ себя воспоминаніе о крайне скандальномъ существованіи. Теперь уже никто не сомнѣвается, что Фоблазъ—Луве, нарисованный имъ же самимъ, семнадцатилѣтній Луве, граціозный и очаровательный, съ тонкой стройной таліей, способствовавшей его переодѣваніямъ въ женскіе наряды, которые онъ носилъ съ такимъ изяществомъ, что ему могли бы позавидовать Доримена и Седализа; Фоблазъ—это Луве, юноша съ бѣлокурыми волосами, съ синими глазами, полными то нѣги, то веселья, съ взглядомъ то робкимъ, то ласкающимъ, какъ взглядъ ребенка, то смѣлымъ и гордымъ, какъ взглядъ взрослого рыцаря, и загорѣвшимся благороднымъ гнѣвомъ, когда этотъ любитель уличныхъ похожденій, измѣнившійся и сдѣлавшійся членомъ Конвента, возсталъ краснорѣчивый и неустрашимый, чтобы бросить Робеспьеру обвиненіе.

Именно потому, что Фоблазъ не кто иной, какъ Луве, въ книгѣ, сначала полной безнравственныхъ картинъ, чувствуются нравственныя заключенія, о которыхъ мы уже упоминали.

«Вывести мораль изъ любовныхъ похожденій кавалера Фоблаза! Недурныя вещи предлагаете вы намъ», можетъ быть, скажетъ критика, если она когда-нибудь снизойдетъ до того, чтобы оспаривать наши оправданія. Скажите пожалуйста, гдѣ могла укрыться эта мораль?

Можетъ быть, въ будуарѣ, бывшемъ ареной искусной капитуляціи маркизы Б.? Или въ складкахъ шарфа маленькой де-Мезанжъ? Или въ шаловливомъ личикѣ Жюстины? Или въ томъ знаменитомъ гротѣ, въ которомъ г-жа де-Линьоль угадывала и разыгрывала вмѣстѣ съ Фоблазомъ болѣе чѣмъ пикантныя шарады, заставившія автора привести ихъ по-итальянски? Или, можетъ быть, эта мораль на губахъ Софи, принявшей въ пріемной монастыря первый поцѣлуй Фоблаза? Да и нѣтъ.

Нѣтъ, если читатели захотятъ видѣть въ книгѣ только ея чувственныя стороны. Да, если они пожелаютъ углубиться въ добрыя намѣренія автора, не слишкомъ долго останавливаясь на подробностяхъ картинъ.

Дѣйствительно, что логически вытекаетъ изъ положенія Фоблаза? Мы видимъ наказанный развратъ, нездоровую страсть, очищающуюся путемъ страданій и раскаянія; бракъ по любви, изображенный не въ видѣ рая, готоваго исчезнуть, а въ видѣ вѣрнаго пути, ведущаго къ возвращенному раю.

Гораздо позже Луве романтики идеализировали незаконныя открытыя связи, а теперь натурализмъ, низводя любовь до степени исключительно животнаго отправления, грубо необходимаго, извиняетъ его низкое утоленіе; между тѣмъ, авторъ Фоблаза, современникъ эпохи гораздо болѣе свободныхъ нравовъ, чѣмъ наша, сумѣлъ явиться моралистомъ по своимъ намѣреніямъ и выразителемъ самыхъ утонченныхъ

чувствъ. Уваженіе Лувѣ къ себѣ и къ другимъ останавливаетъ его на точкѣ, отдѣляющей легкомысліе отъ грязи, и его нога не скользитъ, ступая по краю рва, въ глубинѣ котораго поросята Эпикура съ наслажденіемъ копаются въ грязи.

Лувѣ, по происхожденію дворянинъ, по воспитанію буржуа, нисколько не походилъ на литературную богему, которая жаждетъ рекламы и денегъ. Понятно, и онъ не былъ лишенъ честолюбія; онъ мечталъ приобрести политическое и литературное значеніе; онъ нуждался и, можетъ быть, чрезмѣрно удлинилъ свою книгу, такъ какъ она давала ему кусокъ хлѣба, но онъ никогда не ухаживалъ за толпой, никогда, желая посредствомъ ея достигнуть выгоднаго торжества, не поддѣливался подъ ея вкусы и не говорилъ ея языкомъ. Лувѣ не боялся обращать эпиграммы къ своимъ читателямъ, состоявшимъ, главнымъ образомъ, изъ непостоянныхъ дамъ и развращенныхъ знатныхъ людей. Въ случаѣ нужды, онъ, не стѣсняясь, примѣшивалъ къ картинамъ порока порицаніе, котораго заслуживали всевозможныя излишества общества.

Пресыщеннымъ людямъ, искавшимъ только сильныхъ и новыхъ ощущеній, людямъ, зараженнымъ гангреной скептицизма, онъ показалъ, какъ отвратительно отсутствіе любви въ наслажденіи. Онъ извиняетъ похождения Фоблаза только потому, что къ нимъ примѣшивается любовь, иногда безсознательно.

Очарованіе «Фоблаза», очарованіе, дѣлающее его возможнымъ для чтенія, заключается именно въ томъ, что, несмотря на безпорядочные нравы кавалера, онъ лишенъ характерной черты развратниковъ, а именно погони за ощущеніемъ безъ любви.

Сердце легко воспламенявшагося Фоблаза постоянно переполнено любовью. Итакъ, наивный любовникъ маркизы Б., счастливый обладатель хорошенькой де-Линьоль, нѣжный супругъ застѣнчивой Софи—существо очарованное и опьяненное, а не испорченное.

И это до того вѣрно, что альковъ Корали, нечистой жрицы наслажденія, не долго удерживаетъ его; напротивъ, онъ бѣжитъ, онъ летитъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ влюбленнаго и къ прелестной г-жѣ де-Б., любящей его до того сильно, что она готова за него умереть, и къ живой и трогательной графинѣ де-Линьоль, обожающей его съ такой силой, что, покинутая имъ, она бросается въ воду, и къ нѣжной Софи, съ которой онъ, наконецъ, соединяется прочными узами Гименея. Даже когда онъ, между прочимъ, обнимаетъ Жюстину, пикантную субретку г-жи Б., онъ это дѣлаетъ скорѣе изъ состраданія, нежели изъ безнравственности. Не замѣтилъ ли кавалеръ ревливой слезы въ глазахъ молодой дѣвушки въ то время, какъ онъ, не обращая на нее вниманія, покрывалъ страстными поцѣлуями руки маркизы?

Жюстина плачетъ потому, что она ревнуетъ, и ревнуетъ потому, что любить. Что же можетъ сдѣлать Фоблазъ? Конечно, онъ осушаетъ глаза, не только красивые, но и нѣжные, и въ необдуманномъ порывѣ успокоиваетъ лихорадку, невольно зажженную имъ же самимъ.

Если у Фоблаза нѣтъ совѣсти, какъ у его вѣка, онъ грѣшитъ, какъ великодушная и легкомысленная юность. Несмотря на его легкомысліе, на его чувственныя увлеченія, несмотря на его заблужденія, въ немъ видны достоинства благороднаго человѣка и, какъ бы это ни показалось странно, въ нашемъ искателѣ любовныхъ приключеній кроются задатки истиннаго главы семьи.

Посреди своихъ заблужденій Фоблазъ остается вѣренъ мечтѣ о се-

мейномъ счастіи. Софи, невѣста, выбранная имъ, не перестаетъ занимать его, хотя темпераментъ и заставляетъ его увлекаться. Онъ ждетъ супругу, еще почти дѣтски-наивную, со скромнымъ взглядомъ и краснѣющимъ трепетнымъ лицомъ, и она остается для него высшимъ воплощеніемъ долгаго, вѣрнаго счастья.

Безъ сомнѣнія, Фоблазъ очень поздно дѣлается достоинъ наслаждаться чистой и честной радостью, къ которой онъ стремился, но которую отдалялъ своими безуміями, главное же, самымъ большимъ изъ нихъ, то есть стремленіемъ обладать слишкомъ доверчивой Софи до свадьбы.

Однако, Фоблазъ, способный носить въ себѣ идеалъ, то есть мечту о законномъ и почтенномъ союзѣ, если и грѣшитъ своими поступками противъ извѣстныхъ соціальныхъ законовъ, все же всегда уважаетъ ихъ, тогда какъ теперь они попираются жалкими и неблагородными поклонниками проститутокъ, любимыхъ героинь столькихъ современныхъ романовъ.

Луве, который въ своей книгѣ не оскорбляетъ ни женщины, ни брака, ни любви, не отрицаетъ также и интересовъ семьи; онъ даетъ ей роль въ одиссеѣ будуаровъ, составляющей въ то же время прекрасную картину нравовъ, и когда онъ показываетъ, что семья не исполнила своего долга, нравственное чувство человѣка уравниваетъ смѣлость романиста.

Напримѣръ, сцена между Фоблазомъ и его отцомъ, неожиданно встрѣтившимися у Корали, — мастерское произведеніе моралиста, напавшаго на счастливую идею: принужденный краснѣть передъ сыномъ, заставшимъ его въ мѣстѣ разврата, баронъ Фоблазъ, благодаря своему же легкомыслію лишенный отцовскаго авторитета, чувствуетъ безграничную грусть; неудовольствіе, жажда порочныхъ наслажденій смѣняются въ немъ печалью. Онъ, опомнившись, клеймитъ въ присутствіи кавалера развратное существованіе, допускающее подобныя встрѣчи! Съ какой силой онъ рисуетъ опасности подобной жизни, ея непривлекательныя стороны, ея позоръ!

Устами барона Фоблаза говоритъ уже не знатный кутила, надменный и скептическій, дерзкій и развращенный: передъ нами глава семьи, печальный, униженный, кающійся отецъ, ставшій истиннымъ отцомъ посреди позора, который онъ въ первый разъ сознаетъ въ присутствіи своего сына.

Конечно, не Луве сталъ бы обоготворять куртизанку. По его мнѣнію, истинная женщина та, которую можно въ одинаковой степени любить и уважать.

Итакъ, онъ далъ своей дорогой подругѣ имя единственной добродѣтельной героини романа. Впрочемъ, говоря «единственной», мы ошибаемся, потому что въ книгѣ есть еще милая и добродѣтельная сестра слишкомъ пылкаго кавалера, очаровательный обликъ честной молодой дѣвушки, который граціозно и цѣломудренно рисуется на безнравственномъ фонѣ эпохи. Рядомъ съ этими двумя женщинами отецъ Софи, безпощадный защитникъ своей дочери, оскорбленной Фоблазомъ, дополняетъ картину семьи, двойная миссія которой заключается въ томъ, чтобы утѣшать и направлять.

Итакъ, мы не будемъ защищать это произведеніе противъ обвиненій въ безнравственности; вся чувственная его сторона набросана легкими штрихами, въ силу которыхъ оно можетъ заслуживать самаго

полнаго снисхожденія. Луве—ловкій стилистъ, умѣющій хорошо владѣть фразой, и, когда это необходимо, превосходно избѣгаетъ затрудненія. Чего нельзя сказать, обладая стилемъ! Въ романѣ Луве ясно отразилась перемѣна, которую во французской литературѣ произвело появленіе Ж.-Ж. Руссо и его вліяніе на умы конца вѣка. Сдержанная и строгая манера писателей классическаго періода, такъ блестяще выразившаяся въ XVII вѣкѣ, а также остроумные, ѣдкіе, болѣе насмѣшливые, нежели возвышенные обороты вольтерьянцевъ, въ тѣсномъ значеніи слова, отсутствуютъ въ чувствительныхъ произведеніяхъ эпохи, которая увлекалась «Общественнымъ договоромъ» и «Новой Элоизой». Хотя Луве былъ прелестнымъ рассказчикомъ, но и онъ не могъ оградить себя отъ увлеченія, которое, отнявъ отъ него извѣстную естественность, поставило его въ число типическихъ писателей своего времени.

Многіе желали видѣть въ знаменитомъ произведеніи его жизни слѣды раздраженія челоуѣка, выбитаго изъ колеи, а также отзвукъ антагонизма искренняго республиканца, ненавидѣвшаго старый строй; нѣкоторые считали даже «Похожденія Фоблаза» своего рода памфлетомъ; между тѣмъ, въ этомъ романѣ нѣтъ ничего подобнаго: онъ просто живая картина общества, съ которымъ въ часъ кризиса Луве боролся, не закрывая лица, но которое онъ не думалъ исподтишка оскорблять во время затишья.

Когда въ 1789 г. авторъ «Фоблаза» закончилъ свою книгу, онъ спокойно жилъ въ деревнѣ съ овдовѣвшей Лодоиской, которая поспѣшила къ своему другу, чтобы раздѣлить съ нимъ его существованіе и украсить его жизнь. Сердечная радость наполняла каждое мгновеніе жизни влюбленныхъ; ихъ скромные вкусы, согласовавшіеся съ небольшими средствами, отдаляли ихъ отъ возможности питать зависть и ненависть, и Луве, слишкомъ счастливый, чтобы быть злымъ, Луве, который еще не предвидѣлъ, что онъ когда-нибудь будетъ членомъ Конвента, занимаясь сочиненіемъ Фоблаза, могъ желать только одного: прославить свое имя и заработать деньги.

Такъ говоритъ онъ о «Фоблазѣ» въ своихъ мемуарахъ, и, повидимому, Луве не могъ имѣть другого намѣренія. Въ одной изъ своихъ замѣтокъ, помѣченныхъ «Grottes de St. Emilion», онъ, въ ноябрѣ 1793 г., когда его преслѣдовали и старались поймать, пишетъ: «Въ саду, въ нѣсколькихъ льѣ отъ Парижа, вдали отъ любопытныхъ, я весною 1780 г. написалъ шесть маленькихъ томовъ. Три послѣдніе составляли третью часть «Похожденій Фоблаза»; они, ускоривъ продажу первыхъ томовъ, должны были послужить основаніемъ моего маленькаго богатства. Кстаги по поводу этихъ книжекъ: я надѣюсь, что всякій безпристрастный челоуѣкъ сознается, что, несмотря на все ихъ легкомысліе, въ серьезныхъ частяхъ моего произведенія, тамъ, гдѣ показывается авторъ, видна его склонность къ философіи и, главное, революціонные принципы, еще рѣдкіе въ ту эпоху».

Возможно, что эти революціонные принципы обманули читателей насчетъ намѣреній литератора, который, выказывая ихъ, повиновался своимъ убѣжденіямъ, а не ненависти. Но въ книгѣ нѣтъ ничего рѣзкаго, и мы продолжаемъ думать, что Луве являлся памфлетистомъ только въ своихъ политическихъ статьяхъ, рѣзкихъ и злобныхъ, мужественно написанныхъ и честно задуманныхъ.

Луве полной грудью вдыхалъ атмосферу своего времени; переживъ

приключенія Фоблаза, онъ просто описалъ ихъ, не предполагая, что, создавъ этотъ романъ, онъ принялъ участіе въ составленіи странной трилогіи фиктивныхъ героевъ, которые олицетворили различные оттъны сенсуализма цѣлаго столѣтія.

Фоблазъ, ставъ между Ловеласомъ Ричардсона и Керубиномъ Бомаршэ, очутился какъ разъ на своемъ мѣстѣ; онъ—обольстительная чувствительность, придающая потребности наслажденія прелесть любви; Керубинъ—желаніе, ослѣпленное, неутонченное и жадное; въ своей ласковой хитрости оно такъ же грубо, какъ пороченъ холодный сенсуализмъ Ловеласа.

Изъ этихъ трехъ дѣйствующихъ лицъ Керубинъ, хотя онъ и принадлежитъ къ своему столѣтію по костюму и нравамъ, дѣйствуетъ прямо подъ вліяніемъ природы и могъ бы явиться въ любую эпоху. Ловеласъ и Фоблазъ, наоборотъ, исключительно порожденія своего вѣка; изъ нихъ первый воплощаетъ всѣ прелести и всѣ пороки своего времени, а второй—безсознательное стремленіе къ новой въ то время идеальной любви, въ которой нѣжность поэтизировала желаніе. Оба исчезли вмѣстѣ со старымъ режимомъ, съ его изяществомъ, съ его тонкими ужинами, съ его салонной болтовней и кратковременными связями. Оба они, одинъ—дѣлавшій зло умышенно, другой—поступавшій дурно, не зная того, исчезли и оба живутъ въ видѣ улыбающихся тѣней, вызванныхъ писателями, которые, благодаря своимъ твореніямъ, знакомы потомству.

Луве, въ смыслѣ таланта и извѣстности, уступаетъ Бомаршэ и Ричардсону, но превосходитъ ихъ своей нѣжностью. Его сила и прелесть, его оригинальность и очарованіе гораздо болѣе порождены его способностью любить, чѣмъ тѣми дарованіями, которыя даютъ начало искусству писателя.

Въ ту эпоху, когда ощущеніе составляло все, Луве испыталъ нѣжныя волненія сердца; онъ зналъ печаль, преданность, божественные экстазы глубокихъ чувствъ и, такъ какъ Луве больше чѣмъ кто бы то ни было изъ писателей описывалъ самого себя, онъ вложилъ въ «Фоблаза» то, что придаетъ вѣчную молодость произведенію, то, что очищаетъ его, то, что возвеличиваетъ его, какая бы незначительная точка отправленія ни служила ему опорой, а именно: отблескъ любящей души и нѣжнаго ума.

Нравственность въ основаніи, сдержанность формы, живыя картины, рискованныя, но не шокирующія сцены—вотъ что составляетъ достоинство и привлекательность произведенія, новое появленіе котораго въ переводѣ оживитъ воспоминаніе о писателѣ, слишкомъ забытомъ, и прольетъ свѣтъ на обликъ предприимчиваго кавалера, очаровавшаго своими приключеніями современное ему общество.

Чтобы познакомиться со взглядомъ автора на его занимательное и даровитое произведеніе, нелишнее привести слѣдующее

предисловіе Луве де-Куврэ къ части „Любовныхъ походовъ кавалера Фоблаза“, называемой „Конецъ любви“.

(Эта часть появилась впервые въ іюль 1789 г.).

Сколько шума изъ-за маленькой книги! Многіе смѣялись, читая ее, нѣкоторые плакали; одни подражали ей, другіе писали на нее пародіи.

Добрые люди выпускали поддѣлки, люди честные ее унижали; итакъ, получая поддержку самыхъ различныхъ родовъ, я съ нѣкоторымъ довѣріемъ къ себѣ взялъ перо и закончилъ романъ.

Теперь, безпристрастный читатель, ваша очередь выслушать меня и произнести рѣшеніе. Простите меня, если я иногда слишкомъ веселъ. Я часто зѣвалъ надъ романами и боялся быть снотворнымъ, какъ они; впрочемъ, подождите; можетъ быть, черезъ нѣсколько лѣтъ я напишу болѣе скучныя произведенія, которыя будутъ лучше теперешняго. Я говорю «можетъ быть». Дѣйствительно, развѣ романистъ не долженъ быть вѣрнымъ историкомъ своего времени? Можетъ ли онъ писать что-либо кромѣ того, что виѣлъ? О, вы, кричащіе такъ громко, измѣните ваши нравы, я измѣню мои картины!

Обвиняли ли вы меня также въ безнравственности? Вскорѣ я постараюсь убѣдить васъ, что вы были неправы, но прежде подите и выслушайте меня. Я скажу вамъ истину, и такъ какъ въ литературѣ еще остались аристократы, мнѣ придется говорить шепотомъ. По совѣсти, были ли нравственныя произведенія, обезсмертившія Аріоста и Тассо, Лафонтена и Мольера, наконецъ, Вольтера и многихъ другихъ, гораздо менѣе значительныхъ, чѣмъ онъ, и болѣе значительныхъ, чѣмъ я? Видите ли, я очень боюсь, чтобы строгое требованіе писать нравственныя произведенія не оказалось сильнымъ лекарствомъ, умѣло даваемымъ тѣми изъ моихъ хилыхъ современниковъ, которые, не надѣясь никогда ничего произвести, хотѣли бы лишить и насъ способности давать жизнь.

Какъ бы то ни было, прочтите развязку моего романа; она, конечно, оправдаетъ меня; кромѣ того, я заявляю, что произведеніе съ такими легкомысленными подробностями, въ сущности, очень нравственно, и я докажу это, едва обстоятельства позволятъ мнѣ исполнить мое намѣреніе. Въ немъ, можетъ быть, нѣтъ и двадцати страницъ, которыя не вели бы прямо къ полезнымъ выводамъ, къ глубокой морали, все время бывшей моею цѣлью. Я согласенъ, что не многіе сразу замѣтятъ это, но утверждаю, что современемъ я сумѣю открыть мои идеи, и день моихъ признаній, обѣщаю вамъ, будетъ днемъ неожиданностей.

Меня упрекали также въ большой небрежности. Скажите мнѣ: какой писатель, еще не вполне владѣющій своимъ искусствомъ, одинаково старательно отдѣлываетъ всѣ части очень длиннаго сочиненія? Я твердо вѣрю, что безъ нѣкоторой небрежности нѣтъ естественности, въ особенности въ разговорахъ. Именно въ діалогахъ, желая быть ближе къ истинѣ, я повсюду жертвую изяществомъ ради простоты; часто я бываю не корректенъ и иногда тривиаленъ. Мнѣ кажется, тамъ, гдѣ говорить дѣйствующее лицо, авторъ долженъ переставать писать; тѣмъ не менѣе, я виноватъ, если мнѣ случалось позволять г-жѣ Б. говорить, какъ Жюстина, и Розамберу, какъ г-нъ де-Б.

Терпѣливый читатель, еще одно извиненіе.

Такъ называемые иностранные романы, которые утромъ расхватываются и забываются къ вечеру, болѣею частью заключаютъ въ себѣ характеры и событія, общіе всѣмъ народамъ Европы. Я же старался, чтобы Фоблазъ, легкомысленный и влюбчивый, какъ нація, для которой и которою онъ былъ созданъ, имѣлъ, такъ сказать, французскій обликъ. Я хотѣлъ, чтобы въ немъ находили языкъ, тонъ и нравы молодыхъ людей моей родины.

Во Франціи, только во Франціи, мнѣ кажется, слѣдуетъ искать и дру-

гіе оригиналы, съ которыхъ я писалъ слабыя копіи: мужей безнравственныхъ, ревнивыхъ, покладистыхъ и довѣрчивыхъ, какъ маркизъ, обольстительныхъ красавицъ, обманутыхъ и обманывающихъ, какъ г-жа де Б., женщинъ вѣтреныхъ и въ то же время чувствительныхъ, какъ моя маленькая, вѣчно сожалѣемая Элеонора. Словомъ, я старался, чтобы никто не могъ, безъ ущерба для правдоподобности, напечатать на заглавномъ листѣ этого романа ужасную ложь: «переводъ съ англійскаго».

Но пока я писалъ эти пустяки, въ моей счастливой родинѣ произошла великая перемѣна. Теперь для каждаго, кто жаждетъ заслужить солидную славу и принести пользу своей родинѣ и всему міру, открыто самое прекрасное поприще. Поприще открыто; почему же я до сихъ поръ не показался на немъ? Потому что еще не чувствую себя достойнымъ его.

